
ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 801.73; DOI: 10.61260/2074-1618-2024-3-46-52

ФЕНОМЕН МОЛЧАНИЯ В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

✉ Белозерова Наталия Владимировна.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ nv.belozerova@gmail.com

Аннотация. Исследуется феномен молчания с точки зрения междисциплинарного подхода. Представлены различные определения этого явления, сформулированные в русле гуманитарного знания. Основное внимание уделяется изучению коммуникативно-значимого молчания, представленного в ситуации столкновения коммуникативных позиций – конфликтном дискурсе. В силу знаковой природы молчание рассматривается и как культурный концепт, и как коммуникативная стратегия. Исследуются также средства репрезентации концепта «Молчание» в литературных произведениях.

Ключевые слова: концепт, конфликтный дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникация, языковое средство

Для цитирования: Белозерова Н.В. Феномен молчания в конфликтном дискурсе // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2024. № 3 (64). С. 46–52. DOI: 10.61260/2074-1618-2024-3-46-52.

Scientific article

NOTION OF SILENCE IN CONFLICT DISCOURSE

✉ Belozerova Natalia V.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ nv.belozerova@gmail.com

Abstract. The article applies the interdisciplinary approach to examine the phenomenon of silence. It juxtaposes diverse definitions of «silence» which emerged in various branches of humanities. The article is focused on the communicatively significant silence which is highlighted by the opposing interests – conflict discourse. As a sign vehicle, «silence» can be explored either as a cultural concept, or a communication strategy. The article also studies linguistic tools to represent the concept «Silence» in literature.

Keywords: concept, conflict discourse, communication strategy, communication, linguistic tool

For citation: Belozerova N.V. Notion of silence in conflict discourse // Psihologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva = Psychological and pedagogical problems of human and social security. 2024. № 3 (64). P. 46–52. DOI: 10.61260/2074-1618-2024-3-46-52.

Введение

В рамках современной социальной коммуникации, характеризующейся столкновением антагонистических позиций, молчание оказывается предметом изучения различных наук: философии, психологии, лингвистики, конфликтологии, социологии и многих других. Изучение феномена молчания неразрывно связано с исследованиями в области вербальной коммуникации, как целенаправленного процесса обмена информацией. Эпштейн М.Н. отмечает, что «у молчания и речи есть общий предмет»: молчание является внесловесным развитием темы коммуникации [1, с. 179]. Данная точка зрения развивает идею Людвиг Витгенштейна, обосновывающую мистический и невыразимый характер

восприятия мира как целого, созерцание и выражение которого находятся за пределами логических возможностей языка и могут быть осуществлены только с помощью средств, передающих движение души и воли в их единстве [2]. Молчание, как и речь, полифункционально, многозначно: оно может выполнять различные функции во всех типах дискурса, облекаясь в многообразные риторические формы.

С феноменологической точки зрения, обладая семиотическим потенциалом и способностью к экстерииоризации, молчание и речь являются неотъемлемыми составляющими человеческого бытия. Молчание и речь соотносятся как элементы дихотомии «внутреннее / внешнее». При этом речь представляет собой интенциональное, воплощенное вербальное действие – молчание же является единой, непрерывной ментальной структурой, порождающей смыслы, «логосферой» [3].

В рамках психологических исследований В.П. Зинченко предлагает отказаться при рассмотрении молчания и речи от оппозиции внешнего и внутреннего в пользу целостности психической деятельности, которая осуществляется как во внешней, так и внутренней форме, не теряя при этом интенсивности процессов и разнообразия функций [4]. Следует вспомнить, что А.А. Ухтомский определял молчание как «активный покой», подчеркивая мысль о континууме бытия – сознания, непрерывности диалога сознания – деятельности [5].

В рамках когнитивной лингвистики молчание рассматривается как культурный знак, полифункциональный концепт, когнитивные структуры которого воплощают социальные, исторические, аксиологические аспекты семиозиса [6].

С точки зрения коммуникативной лингвистики, определяющей коммуникацию как обмен информацией посредством словесных знаков, молчание может быть коммуникативно-значимым и некоммуникативным [6]. Коммуникативно-значимое молчание характеризует сознательность и целенаправленность. Подобную точку зрения на природу молчания облекает в метафорическую форму Сирил Ле Мер, который утверждает, что слово, погруженное в молчание, черпает в нем свою энергию и силу воздействия («Mais c'est dans le silence magnétique qui l'entoure que le mot puise son énergie et son irradiation») [7, с. 74]. Коммуникативно-значимое молчание («meaningful absence of speech») рассматривается Адамом Яворски в качестве эффективного инструмента коммуникации, который проявляет себя в различных социокультурных контекстах [8]. Крестинский С.В. определяет молчание как силенциальный коммуникативный акт, подчеркивая его значимость в коммуникации и выявляя его способность быть единицей общения, знаком [9]. Можно утверждать, что речь и молчание могут быть противопоставлены друг другу только с точки зрения воплощения в звуковой форме. Следовательно, согласно определению Т.Р. Копыловой, молчание является невокализованной вербальной коммуникацией [6].

Аналитическая часть

Существуют исследования, рассматривающие молчание как явление культуры, многоаспектный концепт, расширяющий свои когнитивные структуры посредством воплощения в различных интра- и интеркультурных контекстах и выполнения в рамках социальной коммуникации следующих функций:

- 1) стратегической (сознательный отказ от диалога или полное принятие позиции собеседника);
- 2) экспрессивной (выражение широкого спектра эмоций, сопровождающих диалог);
- 3) ритуальной (сознательное умалчивание табуированных предметов или явлений в определенной лингвокультуре);
- 4) манипулятивной (молчание, используемое с целью воздействия на собеседника);
- 5) социально-ролевой (молчание как маркер определенной позиции в социальной структуре);
- б) социокультурной (молчание, выявляющее национальную специфику норм взаимодействия в социуме);

7) профессионально-этической (молчание, связанное с нормами профессиональной деонтологии).

Таким образом, выявляется зависимость интерпретации феномена молчания от определенного культурного кода, характеристик внешнего контекста коммуникации.

Одним из наиболее явственных проявлений маркированного члена бинарной оппозиции «речь – молчание» можно назвать ситуацию конфликтного дискурса, характеризующегося несоответствием идеологических позиций коммуникантов, диссонансом их убеждений и ценностей, и реализующегося в применении антагонистических коммуникативных стратегий. Одно из наиболее содержательных определений понятия «дискурс» было сформулировано В.В. Фещенко, который интерпретирует его как «совокупность вербальных высказываний, сформулированных в результате социального взаимодействия коммуникантов со своим особым концептуальным миром, с учетом экстралингвистических факторов порождения и восприятия этих высказываний» [10, с. 26]. Семиотический анализ данного определения термина «дискурс» позволяет выделить такие компоненты, как речевой акт в качестве единицы коммуникативного взаимодействия, действенность (перформативность) речевых актов, единство формы, содержания и действия, влияние экстралингвистических факторов и зависимость речевого взаимодействия от когнитивного состояния коммуникантов.

Белоус Н.А. определяет конфликтный дискурс как «речевое взаимодействие собеседников, иллюкутивная доминанта которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей» [11, с. 121]. При этом прагматика высказываний участников коммуникации отмечена явной или скрытой враждебностью, так как их намерения противоположны, а социальные статусы противопоставлены. Примеры конфликтного дискурса, содержащего феномен молчания в качестве коммуникативной стратегии, могут быть обнаружены и в художественной литературе, создающей социально-индивидуальную модель действительности через взаимодействие концептов, ценностных категорий и смыслопорождающих речевых практик [12].

В рассказе Л.Н. Андреева «Молчание» исследуемый феномен ассоциирован с описанием внутреннего, психологического конфликта отца Игнатия, глубоко переживающего самоубийство дочери Веры. Андреев Л.Н. показывает молчание как сознательную коммуникативную стратегию, зарождающуюся на основе взаимной духовной отстраненности отца и дочери и перерастающую в постоянный внутренний диалог отца Игнатия, стремящегося понять причины трагедии, с окружающим миром. Молчание становится скрытым речевым актом, полным смысла. Кроме того, в данном случае наблюдается усложнение конфликтного дискурса, которое проявляется в преодолении границ бинарной оппозиции «речь – молчание» и построении тройственного противопоставления «речь – молчание – тишина». Как отмечает М.Н. Эпштейн, после самоубийства Веры тишина, беззвучие в окружающем мире превращается словно в сознательное молчание, экстраполирующее прижизненную позицию девушки [1]. Молчание во внутреннем конфликтном дискурсе репрезентируется с помощью следующих языковых и стилистических средств:

1. Олицетворение, которое заключается в переносе на объекты и явления окружающего мира свойств человека: в рассказе Л.Н. Андреева после смерти Веры умолкли комнаты, ноты, замолчал весь дом («Клетка молчала тихо и нежно и чувствовались в этом молчании печаль и слезы») [13, с. 18].

2. Фольклорный анимизм в форме метафорического переноса: живая, поющая душа Веры улетает вместе с выпущенными на волю канарейками.

3. Концептуальная антитеза: «смысл – бессмысленность» (наполненное смыслом молчание Веры и окружающего мира противопоставлено пустым бытовым разговорам с причтом и прихожанами); «безмятежность – страх» (спокойствие уверенного в своей правоте отца Игнатия разрушается после необъяснимого самоубийства дочери,

и он чувствует, что «весь воздух дрожит и трепещет от гулкого молчания» [13, с. 19]); «жизнь – смерть» (живая Вера и Вера в виде сновидения, портрета, призрака).

4. Лексико-семантическое поле концепта «Молчание», которое репрезентируется с помощью синонимического ряда имен существительных («немота», «тишина», «беззвучие», «безгласие») и имен прилагательных – эпитетов, характеризующих молчание («давящее», «тяжелое», «упорное», «ясное», «гулкое», «свинцовое», «холодное», «мучительное», «торжественно-холодное»).

5. Оксюморон, соединяющий в пределах словосочетания лексические единицы, обладающие противоположной семантикой: «слушать молчание», «гулкое молчание», «говорить молчанием».

Разнообразные художественные средства репрезентации концепта «Молчание» создают в рассказе Л.Н. Андреева картину глубокого психологического конфликта, в котором драматичным образом переплетаются в пределах диалогового пространства и безмятежная тишина, и речь, ассоциирующаяся с живой силой слова, и мертвящее молчание, описанное автором как неестественное состояние невысказанности.

Ситуация внешнего конфликта, вызванного несовместимостью идеологических позиций коммуницирующих субъектов, их ценностных установок, описана Жаном Марселем Брюллером (Веркором) в рассказе «Молчание моря». Как и у Л.Н. Андреева, в рассказе Ж.М. Брюллера концепт «Молчание» обогащается соединением с образом моря: Л.Н. Андреев связывает молчание с «темными глубинами бесконечного», его губительная сила сравнивается с «дикой бурей» [13, с. 21], в то время как Веркор сопоставляет эмоциональное состояние субъекта, сознательно отказывающегося от вербальной коммуникации, с поверхностью вод, скрывающей мир затаенных чувств, желаний и мыслей, которые отрицают друг друга в бесконечном противоборстве («une vie sous-marine des sentiments caches, des désirs et des pensées qui se nient et qui luttent» [14, с. 31]). Коммуникативная стратегия главных героев в рассказе «Молчание моря» типизирует национальный протест французского народа в период фашистской оккупации и становится символом интеллектуального Сопrotивления, одним из основоположников которого и был Ж.М. Брюллер, который сознательно отказался легально публиковать свои произведения в период оккупации, сделав молчание нравственным и гражданским выбором, и создал подпольное издательство «Editions de Minuit» [15, 16]. Именно отказ от вербального взаимодействия с оппонентом, обличенный в форму протестного молчания, наполненного гражданским достоинством, находится в центре внимания Веркора. Конфликтотенная ситуация рассказа заключается в последовательно развиваемом автором парадоксе – единственным вербально коммуницирующим субъектом является немецкий офицер Вернер фон Эбреннак, речь которого наполняет чужой дом и принимает различные формы от шепота («un murmure»), формул вежливости, предложений нейтральной тематики, не требующих ответа, до развернутых монологов («intéterminables monologues»), сравниваемых с монотонной молитвой («continuité monotone d' une prière») или глухим мелодичным жужжанием («un bourdonnement sourd et chantant») [14]. Еще один парадокс заключается в том, что Вернер фон Эбреннак не является типичным оккупантом: анализ его многословных монологов, охватывающих все этапы его жизни, позволяет сделать вывод о его просвещенности, в силу которой он отвергает идею насилия в пользу стратегии убеждения. Его коммуникативное воздействие на реципиентов осуществляется с добродушной естественностью («le plus candide naturel»), сопровождается улыбкой («en souriant»); его единственное коммуникативное намерение – преодолеть молчание французов («vaincre ce silence») [14]. Следует также отметить не только противопоставление коммуникативных стратегий главных персонажей рассказа, но и создание их литературной характеристики на основе оппозиции «типизация – индивидуализация»: если художественные портреты рассказчика и его племянницы, имен и деталей биографии которых автор не раскрывает, типизируют черты многих французских граждан в период Сопrotивления, то в отношении немецкого офицера Веркор использует прием

индивидуализации, уточняя многочисленные детали его жизненного пути. Подобные художественные средства позволяют автору воссоздать ситуацию конфликта и передать силу его эмоционального воздействия.

Семантический анализ понятия «молчание», которое выражается во французском языке лексемой «silence», имеющим и второе значение – «тишина», позволяет сделать вывод о том, что Ж.М. Брюллер отделяет коммуникативно-значимое, интенциональное молчание от некоммуникативного (безмолвия, беззвучия) и представляет лексему «silence» в следующих аспектах значения:

1. Акустическая пауза: «Il prononçait quelques phrases, parfois brisées de silences...» [14, с. 21] («Иногда он произносил несколько фраз, разделяя их паузами...»).

2. Молчание как предваряющее речь размышление: «Il parut, dans un silence songeur, explorer sa propre pensée...» [14, с. 23] («Казалось, в задумчивой тишине он изучал собственную мысль...»).

3. Молчание как полное согласие с собеседником: «Un accord tacite» [14, с. 17] («молчаливое согласие»); «Son regard m'envoya un message que je ne déchiffrai pas...» [14, с. 26] («Ее взгляд направил мне послание, значение которого я не мог понять»).

4. Метафорическое молчание, которое охватывает и неодушевленные предметы: главная героиня отказывается от музыкальных упражнений, и дом погружается в молчание.

5. Сознательная коммуникативная стратегия уклонения от вербального взаимодействия: «...nous avons décidé...de ne rien changer à notre vie...: comme si l'officier n'existait pas; comme s'il eût été un fantôme...» [14, с. 25] («... мы решили ... ничего не менять в нашем образе жизни: словно ... немецкий офицер не существовал; словно он был призраком...»).

Именно молчание как противостояние находится в центре внимания автора; невыраженный вербально протест становится конструктом конфликтного дискурса, репрезентируясь в пространстве художественного произведения с помощью следующих форм [17]:

1. Эпитеты, выявляющие бескомпромиссный характер молчания французов: *lourd* («тяжелое»), *de plomb* («свинцовое»), *pesant* («давящее»), *irrespirable* («удушающее»).

2. Предикаты, относящиеся к лексико-семантическому полю «молчание»: *rester silencieux* («хранить молчание»), *être en silence* («погрузиться в молчание»), *se taire* («замолчать»), *ne dire rien* («ничего не сказать»).

3. Словосочетания, включающие переходный глагол и лексему «silence» («молчание») в качестве прямого дополнения: *mesurer le silence* («измерить молчание»), *prolonger le silence* («продлить молчание»), *alourdir le silence* («осложнить молчание»), *romper le silence* («прервать молчание»), *dissiper le silence* («рассеять молчание»).

4. Словосочетания, включающие глагол и обстоятельство, выраженное лексемой «silence»: *tomber dans le silence* («погрузиться в молчание»).

Создавая единое семантическое поле концепта «Молчание», Ж.М. Брюллер демонстрирует неестественный характер молчания как коммуникативной стратегии, аномальность подобного дискурсивного вакуума, его деструктивный характер, проявляющийся в выборе эпитетов, сопровождающих лексему «silence»: *immobile* («неподвижный»), *insensible* («бесчувственный»), *impitoyable* («неумолимый»), *inhumain* («бесчеловечный»). В том случае когда значение не может быть выражено вербально, возрастает роль паралингвистических средств коммуникации, в особенности – кинетических (жесты, мимика). В рассказе «Молчание моря» многозначительные взгляды персонажей, их выразительные жесты передают целую гамму чувств от волнения («Ma nièce tricotait avec une vivacité mécanique» [14, с. 28] / «Моя племянница вязала с механической живостью») до гнева («Les doigts de cette main-là se tendaient et se pliaient, se pressaient et s'accrochaient» [14, с. 32] / «Пальцы этой самой руки то тянулись друг к другу, то сгибались, то сжимались, то цеплялись друг за друга») и отчаянья («La jeune fille lentement laissa tomber ses mains au creux de sa jupe où elles demerèrent penchées et inertes comme des

barques échouées sur le sable» [14, с. 35]) / «Девушка медленно уронила руки на колени, и они так и остались там, безжизненные, словно выброшенные на берег лодки»).

Заключение

Таким образом, коммуникативно-значимое молчание, являясь концептом, содержание которого не имеет для своего воплощения вербальных средств, может быть центральным в литературном тексте. Особенно значимо оно для конфликтного дискурса, принимающего форму психологического кризиса или же идеологического противостояния. Будучи элементом бинарной оппозиции «речь – молчание», обладающее значением молчание, может быть выражено в литературном тексте с помощью различных лексических, стилистических, риторических средств. Амбивалентное и полифункциональное явление, молчание расширяет диалоговое пространство литературного произведения, привлекая читателя к рефлексии и интерпретации. Молчание социально и коммуникативно по своей природе: оно обладает содержанием, интенциональностью, выразительным потенциалом и предполагает определенную коммуникативную установку в ситуации диалога. Выполняя многочисленные функции в литературном тексте, проявляясь в различных видах дискурса, молчание обогащается дополнительными значениями идеологического, социального, психологического характера, становясь художественным концептом в плане содержания и эффективным инструментом коммуникации в плане выражения.

Список источников

1. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М.: Высш. шк., 2006. 559 с.
2. Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века: курс лекций. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 173 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Зинченко В.П. Принцип активного покоя в мышлении и действии // Культурно-историческая психология. 2005. Т. 1. С. 57–68.
5. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблемы объективного метода в психологии. Философия. Наука. Культура. М.: Вече, 2008. С. 275–287.
6. Копылова Т.Р. Молчание: вербальная vs невербальная коммуникация // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 3 (25). С. 116–121.
7. Le Meur Cyril. Le silence du texte. La foundation du langage adressé. Poétique. 2011. 1 (165). С. 73–89.
8. Jaworski Adam. Silence: Interdisciplinary Perspective. Mouton de Gruyter. Berlin-New York, 1997. 404 p.
9. Крестинский С.В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания. Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Тверь, 1997. С. 50–67.
10. Фещенко В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 16–35.
11. Белоус Н.А. Онтологичность вербальной репрезентации раздражения в современном диалогическом пространстве // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. № 67. С. 120–133.
12. Маслова В.А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2014. 104 с.
13. Андреев Л.Н. Молчание: сборник рассказов. М.: Азбука, 2018. 512 с.
14. Albin Michel. Vercors. Le silence de la mer et autres récits. 2018. 254 p.
15. Terray V. Marcel Aymé et les Hussards: un «contemporain capital»? La droit littéraire à la recoquête de son aura intellectuelle après la Libération. Histoire. 2018. 199 p.
16. Vast C. Ecrivains dans la Résistance en France. Presses Univ. Rennes, 2009. P. 1–15.
17. Шульц В.В., Любимова Т.М. Молчание как конструкт дискурса в социолингвистике // Социология массовых коммуникаций. 2018. № 18. С. 84–93.

References

1. Epshtejn M.N. Slovo i molchanie: Metafizika russoj literatury. M.: Vyssh. shk., 2006. 559 s.
2. Sokuler Z.A. Lyudvig Vitgenshtejn i ego mesto v filosofii XX veka: kurs lekcij. Dolgoprudnyj: Allegro-Press, 1994. 173 s.
3. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorcestva. M.: Iskusstvo, 1986. 445 s.
4. Zinchenko V.P. Princip aktivnogo pokoya v myshlenii i dejstvii // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2005. T. 1. S. 57–68.
5. Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K. Problemy ob"ektivnogo metoda v psihologii. Filosofiya. Nauka. Kul'tura. M.: Veche, 2008. S. 275–287.
6. Kopylova T.R. Molchanie: verbal'naya vs neverbal'naya kommunikaciya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2015. № 3 (25). S. 116–121.
7. Le Meur Cyril. Le silence du texte. La foundation du langage adressé. Poétique. 2011. 1 (165). C. 73–89.
8. Jaworski Adam. Silence: Interdisciplinary Perspective. Mouton de Gruyter. Berlin-New York, 1997. 404 p.
9. Krestinskij S.V. Kommunikativno-pragmaticheskaya struktura akta molchaniya. Kommunikativno-funkcional'nyj aspekt yazykovykh edinic. Tver', 1997. S. 50–67.
10. Feshchenko V.V. Hudozhestvennyj diskurs: k opredeleniyu termina v perspektive lingvoestetiki // Novyj filologicheskij vestnik. 2021. № 1 (56). S. 16–35.
11. Belous N.A. Ontologichnost' verbal'noj reprezentacii razdrazheniya v sovremennom dialogicheskom prostranstve // Mir lingvistiki i kommunikacii: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2022. № 67. S. 120–133.
12. Maslova V.A. Kognitivnyj i kommunikativnyj aspekty hudozhestvennogo teksta. Vitebsk: Vitebskij gos. un-t im. P.M. Masherova, 2014. 104 s.
13. Andreev L.N. Molchanie: sbornik rasskazov. M.: Azbuka, 2018. 512 s.
14. Albin Michel. Vercors. Le silence de la mer et autres récits. 2018. 254 p.
15. Terray V. Marcel Aymé et les Hussards: un «contemporain capital»? La droit littéraire à la recoquête de son aura intellectuelle après la Libération. Histoire. 2018. 199 p.
16. Vast C. Ecrivains dans la Résistance en France. Presses Univ. Rennes, 2009. P. 1–15.
17. Shul'c V.V., Lyubimova T.M. Molchanie kak konstrukt diskursa v sociolingvistike // Sociologiya massovykh kommunikacij. 2018. № 18. S. 84–93.

Информация о статье: статья поступила в редакцию: 29.08.2024; принята к публикации: 20.09.2024

Information about the article: the article was submitted to the editorial office: 29.08.2024;

accepted for publication: 20.09.2024

Информация об авторе:

Белозерова Наталия Владимировна, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), кандидат педагогических наук, доцент, e-mail: nv.belozerova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0693-2805>, SPIN-код: 3501-6788

Information about the authors:

Belozerova Natalia V., associate professor of the department of foreign languages and speech culture of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), candidate of pedagogical sciences, associate professor, e-mail: nv.belozerova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0693-2805>, SPIN: 3501-6788